

ПОВОРОТ ОТ БАРОЧНОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ К БЕГЛОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

В начале прошлого столетия футуристы-будетляне и прочие художественные группировки зорко следили за прошлым — насколько они основательно его ниспровергают, и будущим — насколько они соответствуют придуманному ими мифу. Нынче же молодые художники, вообще как будто равнодушны к тому, выглядит их искусство по-новому, либо в точности повторяет чью-то использованную практику.

Индифферентность по отношению к фактору времени не способствует формотворчеству, которое более не является самоцелью. Так, молодой поэт и художник, соавтор направления «пурификации» (т. е. очищения от спама) Майкл Мерфенко, заявляет: «Я намагаюся створити не нове, а інше».

Итак, что же «другое» несет поколение, которое практически выросло вне тоталитарной системы и отталкивалось от иных «стартовых» условий? Тут интересно сопоставить их практику с особенностями творчества предыдущего поколения, поколения сорокалетних. Как раз недавно в Киеве прошли две значительные экспозиции contemporary art, сформированные из художников этих двух возрастных групп. Весной 2000 г. куратор А. Соловьев, собрав авторов, с которыми он давно работает, представил проект «Проверка реальности» в Украинском Доме, а группа «Р. Э. П.» («Револьюційний експериментальний простір»), состоящая в основном из студентов Национальной Академии Художеств, выставлялась четыре раза в течение года в ЦСМ при НАУКМа («Центрі Сучасного Мистецтва» при Киево-Могилянської академії). Все экспозиции, так или иначе, откликнулись на события оранжевой революции и произошедшие изменения в нашем обществе.

Тут хочется отметить, что актуальное искусство вовсе не обязательно — рефлекторная реакция на окружающее и фиксация увиденного момента. Художник, как существо тонко чувствующее

и одновременно широко мыслящее, пытается обрисовать в уме целостную картину мира, и на основании увиденного как бы дополняет, гармонизирует фрагмент в его сопоставлении с целым. Поэтому при рассмотрении художественной практики следует учесть то, на что именно может реагировать творческая личность, выражая нечто или же умышленно умалчивая.

Особенно показательно, что в нашем обществе сейчас инициативу у художников нередко перехватывает политика. Многие приемы, выработанные в искусстве, применяются в жизни, особенно распространены перформансы и инсталляции. Так, например, на улице развешивается белое полотно, расставлены банки с краской, и участники акции опускают руку в любой цвет, который потом отпечатывают на полотне. Разноцветные оттиски ладоней — красноречивые свидетельства волеизъявлений. Нередко демонстративно сжигается атрибутика действий, с которыми выражается несогласие. Разыгрываются сцены с цветовой символикой, текстами, музыкой или звуками, например удары шахтерскими касками и пластиковыми баллонами об асфальт. Накал эмоций при этом таков, что иным художникам со своим вдохновением и до половины не дотянуться.

Актуальное искусство в таких условиях приобретает специфический характер. Перформанс, или другой вид творчества, уже использующийся политиками, теряет художественную автономность. Творческий акт переносится в область создания контекста его иного прочтения. Интересную работу на уровне контекстного смещения проделали молодые художники.

Летом 2005 г. группа «Р. Е. П» предложила жителям города отреагировать на необычное появление копий произведений искусства. Так, в очереди на маршрутное такси поместили изображение Венеры Боттичелли, среди отдыхающих в парке — танцующих крестьян П. Брейгеля, в мясной лавке — портрет Т. Шевченко, в магазине — вылепленное из хлебного мякиша подобие скифской статуи, и еще многие другие копии в разных местах Киева. Самые яркие сцены этой акции отсняли на видео. Особенно запомнился манифест В. Харкевича на тему испанской корриды, когда обнаженный художник с холстом, изображавшим Минотавра, падает в загородную лужу и прямо-таки красиво вываливается в нашей жидкой черноземной грязи (видео В. Кузнецова, ЦСМ). Сопоставление искусства и жизни, реального и вымышленного, давало широкий спектр возможных интерпретаций (в отличие от узконаправленного политического перформанса).

Если сравнить с этим видео сюжет С. Браткова «Чужой» (показанный в УД), обнаружатся мировоззренческие отличия. У старшего «актуальщика» (как иногда иронически называют деятелей contemporary art) присутствует тяга к иносказанию. Костюм голливудского Кинг-Конга, который одевает художник, демонстрируя его нелепое несоответствие нашей жизни, тем не менее надежно защищает автора от прямого контакта с реальностью. Характерным же для двадцатилетних является желание идти к ней напрямую, без посредников и испытать «на своей шкуре». Тут следует вспомнить и видео В. Кузнецова («L-art» галерея) где он наблюдает за парковым эксгибиционистом, в лютый мороз выставляющим свое дрожащее посиневшее тело на обозрение. Холод, неприкаянность, т. е. ничего хорошего жизнь человеку не сулит, — говорит художник, — однако он готов встретить ее тяготы.

Название проекта «Проверка реальности» выражает недоверие к этой реальности. Художник сомневается в том, с чем он имеет дело, и всякий раз сталкивает мифическое с реальным. Яркий представитель волны 90-х А. Савадов создал множество таких симбиотических композиций, с барочной избыточностью перегруженных всевозможными «пробными камнями», как мухоморы, зебры, львы и пр. Новое поколение не слишком увлекается экзотикой, и не потому что наивно поверило в жизнь. Им не до того, чтобы верить или не верить, когда сама жизнь задает им жесткие вопросы т. к. они пребывают в ней, а не дистанцируют себя из некой заоблачности. Отсюда их разное отношение к изобразительности. Старшие нередко наслаждаются рассматриванием и изобразительностью как таковой, богатством красок, эффектными композициями, большими размерами произведений. Младшим изобразительность нужна постольку, поскольку фиксируется то, что их заинтересовало, порой они обходятся знаками, беглыми заметками, и шикарная репрезентативность, как правило, не их стиль. Сравним, как по-разному подходят художники к одному и тому же мотиву.

Телеэкран уже давно стал источником своеобразной иконографии для живописных работ. После того, как внимание миллионов зрителей во всем мире было приковано к репортажам с Майдана, экран получил дополнительную значимость. На выставке в УД была представлена серия работ О. Тистола, написанных на холсте маслом, в котором интерпретировались моменты телепередач. Привлекательная мозаичность, мягкая цветовая гамма подробно, включая текстовки, воскрешала вереницу недавно показанных современ-

ников: ученых, военных, детей, крестьянок, рабочих и т. д. В ЦСМ на выставке «Р. Э. П» также можно было увидеть холсты с изображениями телеэкрана. Однако в них не было повествовательности. В работе Л. Хоменко знаменитый кадр, где четыре балеринки танцуют танец «маленьких лебедей» был призван напомнить путч 1991 г., а не стать объектом для рассматривания. К. Гнилицкая включила рисунок телевизора с пустым экраном в свой ребус с изображением химической модели молекулы. Часто вместо изображения работает знак, беглое обозначение образа, контурность, едва узнаваемый намек на событие.

У поколения двадцатилетних живопись, напоминающая «бэд пэинтинг» (т. е. «плохую живопись») таковой не является, так как вовсе не противопоставляется «гуд пэинтинг» («хорошей живописи»). Теперь на смену витиеватой изобретательности, изоморфной некоторой барочности, пришла неприкрытая, прямолинейная беглость. Молодые просто спешат выразить важные для них переживания или мысли (либо хотят передать атмосферу спешки), для чего не подходит прописанность, завершенность. Если давать определение в том же ряду, я бы назвала такую живопись «фаст пэинтинг» («быстрая живопись»), которая, впрочем, и с эскизом не имеет ничего общего: эскиз, как известно, служил отправной точкой картины, а тут «фаст» и является произведением. Такой стиль происходит от акцентации на содержании, что в меньшей мере увлекало художников предыдущего поколения. Несмотря на то, что молодые чаще используют детскую и тинейджерскую иконографию, они, на мой взгляд, гораздо серьезнее и лаконичнее своих старших, более многословных и презентабельных коллег.

В зале УД, например, громоздился огромный надутый футбольный мяч, часть мультимедийной инсталляции К. Проценко, дополненный схемами, отрисовками настоящего мяча, оставленными художником на большом белом холсте и т. д. В ЦСМ тоже встретились инсталляции, содержащие круглые предметы, но абсолютно иные по звучанию. В инсталляции Ж. Кадыровой фигурировал большой дорожный знак, сделанный из керамики, имитирующий его поломку после аварии. В. Харкевич использовал для живописи круглую металлическую часть колеса, также воссоздав в своих работах трагизм дорожных катастроф. В содержании работ молодых увлекла не игра, а искреннее сопереживание и озабоченность серьезной проблемой, им не понадобились дорогостоящие материалы и большие размеры. Среди встречающихся у «рэповцев» тем можно

увидеть некоторую социальную направленность: вопросы политики, религии и морали их занимали в большей мере, чем презентация самоутверждения и самовыражения, что более характерно для старших.

Избегая изысков, «рэповцы» на первый взгляд могут показаться несколько прямолинейными. Если А. Макарская (ЦСМ) изготавливает огромные муляжи неестественно увеличенной электрической розетки и под ней скорчившегося в натуральную величину человека, то она просто, без затей выражает понятие опасности, соединив наглядно причину и следствие. Интересная инсталляция И. Гусева «Replay» (УД), наоборот, изощренно, метафорически трактует народную поговорку, что означает дважды наступить на одни и те же грабли: на граблях, прибитых к стене, привязан скотчем видеопроектор, который показывает, как капля за каплей на экране прибывает кровь, еще и звук падающих капель транслируется.

В «Проверке реальности» больше зрелищности, иронии и мягкого юмора, как например в видеоколлаже А. Ройтбурда, виртуозно склеенном из документальных записей выступлений по телевидению известных политических деятелей. В увлекательную игру превращается интерактивная видеоинсталляция И. Чичкана, который предлагает мышкой открыть окно любой квартиры в многоэтажке и посмотреть по телевизору с незнакомыми людьми индийский фильм. Приятным посещением оказывается тотальный энвайронмент в комнате с изменяющимися обоями группы авторов «Институт нестабильных думок».

Творчество молодых нередко будоражит и оставляет ощущение дискомфорта. Нельзя сказать, что какое-то поколение лучше или хуже, они просто разные, хотя во многих случаях имеют немало общего (что намеренно осталось «за кадром»), ведь и старшие — еще молодые, активно работающие художники. Предпринятый же сравнительный анализ их отличительных особенностей имел целью выявить художественную тенденцию времени.